

Перспективы социальной политики. КУДА ВЕДЕТ КОРИДОР? (О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ С ПОЗИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ)

Автор: Н. Е. ТИХОНОВА

О социальных проблемах российского общества и необходимости совершенствования социальной политики говорят сегодня все и везде. Однако обычно эти разговоры заставляют вспомнить скорее о приснопамятном гоголевском Манилове, нежели об эффективном менеджменте в социальной сфере. Самое печальное, однако, начинается тогда, когда под маниловские "прожекты" начинают ассигновываться средства, и подчас весьма серьезные, хотя социальный и даже экономический эффект от такого рода реформ может быть обратным ожидаемому.

Одним из немногих отрадных исключений в этом ряду выглядит статья Л. Якобсона, где предпринимается попытка осмыслить оптимальную для России модель социальной политики в контексте современных концепций управления. В ней справедливо указывается на наличие ярко выраженного общественного запроса российского общества на сильную социальную политику, сопровождающуюся впервые проявившейся именно в последнее время готовностью власти расходовать средства на социальные цели, с одной стороны, и отсутствием у последней не только систематичности действий по реформированию пресловутой "социалки", но и ясного понимания того, каких же конкретных целей она хочет добиться, - с другой¹. Нельзя не согласиться с Якобсоном и в вопросе о том, что, определяя эти цели, надо учитывать не только ресурсные, но и институциональные ограничения, существующие в современном российском обществе. Все это действительно задает не слишком широкий "коридор возможностей", в рамках которого и следует пытаться оптимизировать социальную политику (и, если это потребует в контексте *заданных целей*, то и реформировать ее или отдельные ее составляющие).

В то же время вряд ли можно согласиться с предлагаемым Якобсоном методом определения этих целей на основе "кластеризации" типов социальной политики и анализа исторического прошлого России в этом контексте. Более перспективным для определения имеющегося "коридора возможностей", по крайней мере со стороны легитимности той или иной модели для общества, представляется подход, опирающийся на вполне доступные для социологического измерения представления россиян об оптимальной моде-

Т и х о н о в а Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социально-экономических систем и социальной политики Государственного университета - Высшей школы экономики, заместитель директора Института социологии РАН.

¹ При этом я отнюдь не хочу сказать, что целей у ныне реализуемой социальной политики нет вообще. Они, безусловно, есть. Более того - они даже модернизируются. Например, вместо целей типа "увеличения койкомест" появляются цели типа "увеличение времени продолжительности здоровой жизни". Однако это по-прежнему цели, связанные с деятельностью и оценкой деятельности отдельных ведомств, а не стратегическим осмыслением роли и функций социальной политики в российском обществе.

ли социальной политики. Однако прежде, чем перейти к анализу этого "общественного запроса", надо ответить на представляющийся, на первый взгляд, весьма тривиальным вопрос о том, а зачем вообще нужна социальная политика?

Я не буду уходить в проблемы связи основных функций социальной политики и, соответственно, ее модели с типом общества, в котором она осуществляется. Ограничусь простой констатацией того факта, что социальная политика в традиционных, индустриальных и постиндустриальных обществах реализует разные функции, среди которых можно выделить около десятка основных. В интересующем нас контексте, то есть для определения оптимального для России типа социальной политики, можно выделить четыре основные ее функции.

Это, во-первых, *обеспечение социально-политической стабильности*. Во-вторых, *помощь малоимущим (гуманитарная функция социальной политики)*. В-третьих, *обеспечение конкурентоспособности страны на международной арене* в условиях глобализирующегося мира за счет качества ее человеческого капитала. Наконец, в-четвертых, это *обеспечение интеграции общества, его внутренней солидарности и единства* (задача, которую у нас в стране все последние годы пытаются решить с помощью поиска национальной идеи, хотя в обществах современного типа ее обычно реализует именно социальная политика, строящаяся с учетом характерных для культуры данного общества представлений о социальной справедливости).

Если в качестве доминирующей функции социальной политики должно выступать обеспечение стабильности, то ресурсы, естественно, надо "бросать" в первую очередь на помощь тем слоям населения, от которых можно ждать реальных протестных действий (и на практике в российском обществе пока доминирует именно эта модель). Если в качестве сверхзадачи избирается гуманитарная миссия, то надо повышать адресность социальной помощи и тратить имеющиеся ресурсы на наименее обеспеченные группы (что постоянно декларируется, но чего в реальности пока не происходит и что абсолютно не воспринимается населением [Тихонова, Шкаратан, 2001]). Если мы говорим о том, что в современном мире социальная политика давно перестала быть эквивалентом советского собеса и превратилась в мощнейший инструмент повышения качества человеческого капитала страны, а в конечном счете - обеспечения ее конкурентоспособности на международной арене, то приоритетом должны стать прежде всего инвестиции в человеческий капитал. Наконец, если речь идет о социальной интеграции и консолидации нации, то сначала необходимо понять, что имеется в виду в обществе под социально справедливыми и социально несправедливыми неравенствами, а затем соответствующим образом выстраивать социальную политику.

Как видим, представления и о том, что делать, и о том, как расходовать ресурсы, в каждом из этих случаев выглядят по-разному. И для реализации каждой из предложенных моделей нужны разные типы ресурсов, в разных объемах и во многом различные методы их использования.

Специальных крупномасштабных исследований о том, какую "сверхзадачу" ставят перед социальной политикой российские федеральные власти, а также власти различных регионов², насколько мне известно, не проводилось. Однако, судя по данным опроса экспертов в трех городах (Москва, Санкт-Петербург и Воронеж), во всех группах элит пока господствует представление о том, что главная задача социальной политики - поддержание социальной стабильности, а дальше уже каждый из тех, кто связан с принятием решений, по-своему представляет себе, что нужно для этого сделать (подробнее см. [Государственная... 2003]). При этом, как правило, официально декларируются со-

² В этой связи надо отметить, что даже специалисты в области социальной политики не всегда представляют, насколько сильно она "регионализована". Не имея возможности останавливаться здесь на этом подробно, отмечу лишь, что на региональном уровне в настоящее время реализуются почти все известные в мире модели социальной политики - от социал-демократической (Чувашия) до патриархально-неолиберальной (Калмыкия).

Таблица 1

"Как вы думаете, кто должен в первую очередь заботиться о решении следующих проблем?" (в %)³

	Предприниматель	Профсоюзы	Государство	Сами работники
Трудовая занятость	10,8	7,1	65,2	16,9
Достойная оплата труда	29,0	9,0	56,5	5,5
Предоставление отпуска	23,4	27,7	45,6	3,3
Условия и охрана труда	20,5	33,0	44,1	2,4
Профессиональный рост	17,3	6,4	24,1	52,3
Медицинское страхование	11,6	12,6	72,8	3,1
Пенсионное обеспечение	5,8	6,9	84,9	2,4
Жилищная проблема	5,8	4,8	76,1	13,3
Соблюдение трудовых прав и социальных гарантий	12,0	25,9	59,0	3,2

вершенно иные цели (например, усиление адресной социальной помощи), под которые разрабатываются соответствующие программы. Естественно, это резко снижает эффективность реализуемой социальной политики.

Ситуация осложняется и огромным количеством мифов, прочно укоренившихся в области представлений об ожиданиях россиян в данной сфере. В числе наиболее распространенных - миф об уравнительности как значимой ценности и патерналистских ожиданиях россиян. Начну с последних.

Как показывают данные Института комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН за последние годы, доминирующую роль в решении практически всех социальных задач, с точки зрения населения, действительно должно играть государство (см. табл. 1). Однако ответственность федерального центра в глазах россиян заключается не в прямом регулировании всех вопросов социальной политики, а в установлении "правил игры" и контроле за их соблюдением. И когда на улицы с протестами выходят "обманутые дольщики" (как ранее "обманутые вкладчики"), не ждавшие от государства решения своих жилищных проблем, а попытавшиеся решить их самостоятельно, то протестуют они не против более чем скромных в большинстве регионов бюджетных программ жилищного строительства (как раз это активных протестов не вызывает), а против того, что при всей раздутости административных и контролирующих органов государства с их прямого попустительства продолжается крупномасштабный обман населения, пытающегося самостоятельно решить свои проблемы. Возникает вопрос - можно ли такое поведение интерпретировать как патерналистские ожидания или это протест формирующегося среднего класса против прямого невыполнения государством своих функций? И как бы отреагировали на подобную ситуацию граждане, например, Германии?

Таким образом, действительно массовые ожидания активного присутствия государства в социальной сфере вряд ли могут рассматриваться как проявление патернализма "в чистом виде". Тем более что в рамках любой модели развития, включая неолиберальную, за установление жестких "правил игры" во всем, что связано с удовлетворением социальных потребностей граждан и их соблюдением, отвечает именно государство. Вспомним, например, жесткость законодательства, касающегося деятельности пенсионных фондов в США, не говоря о ситуации в Западной Европе.

³ Данные приводятся по общероссийскому исследованию ИКСИ РАН "Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?". Подробнее о выборке и результатах этого исследования см. [Российская... 2005].

Кроме того, социальная структура российского общества такова, что ожидания большинства населения связаны именно с государством вне зависимости от какого бы то ни было патернализма. Во всяком случае, судя по данным Госкомстата РФ, из 119 млн. взрослых (то есть тех, кто старше 16 лет) в 2003 г. 29,3 млн. составляли пенсионеры по возрасту и около 24 млн. были заняты на предприятиях и в учреждениях государственной и муниципальной собственности (рассчитано по [Россия... 2004⁴]). А ведь к этому надо добавить и инвалидов непensionного возраста, и многодетные и неполные семьи и т.д. Таким образом, бюджетники, пенсионеры и различные социально слабые категории населения составляют сейчас в России большинство взрослого населения страны. На кого же им, живущим на получаемые от государства зарплаты, пенсии и пособия, рассчитывать в первую очередь, если не на государство?

Разумеется, это не означает, что при изменении структуры занятости ожидания по отношению к государству перестанут доминировать в сознании россиян. Ведь продолжающееся доминирование патерналистской ориентации обеспечивается несколькими основными факторами⁴. И наряду с сохранением очень значительной доли населения, чьи доходы прямо зависят от государства, не менее важную роль в доминировании этих ожиданий играет наличие *весьма значительной по своей численности доли населения, фактически неконкурентоспособной на современном рынке труда. Эти люди для поддержания сколь-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства.* Таким образом, и социальная структура населения, и специфика доминирующих в общественном сознании представлений о взаимоотношениях государства и его граждан исключают попытки реализовать в России неолиберальную социальную политику и формулирование государством в качестве сверхзадачи социальной политики "адресной помощи" наиболее нуждающимся с одновременным снятием с себя ответственности за всех остальных.

Однако это отнюдь не означает применимости в России социал-демократической модели социальной политики, и отнюдь не только по финансовым соображениям. И здесь мне хотелось бы солидаризироваться с Якобсоном в том, что, хотя в академическом сообществе доминируют симпатии именно к этой модели, основной массе россиян идеалы социал-демократии внутренне чужды (помимо социологических данных, об этом же свидетельствуют и результаты выборов последних лет). Гораздо ближе им идеалы консервативной модели социального государства с ее довольно глубокой социальной дифференциацией, авторитарно-корпоративным началом, активной ролью государства во всем, что касается равенства шансов и государственных гарантий в минимальном удовлетворении базовых потребностей как основы представлений о социальной справедливости.

В этой связи вспомним: различные модели социального государства предполагают, что эффективной социальной политикой является только такая, которая дает и экономический, и социальный эффект. Эти идеи ничего общего не имеют с филантропией и поощрением иждивенческих настроений. Социальным такое государство называется, ибо учитывает, что *экономическая эффективность не самоцель, а лишь одно из средств для удовлетворения материальных и духовных потребностей своих граждан. Поэтому главная задача социальной политики такого государства состоит вовсе не в раздаче благ, а в обеспечении условий для свободной самодетельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно позаботиться о себе и своих близких. Создание условий для того, чтобы каждый имел возможность получить образование, профессию, рабочее место, стимулирование сбережений и стремление обзавестись собственностью - вот важнейшие направления политики социального государства.*

⁴ В том числе и особенностями, связанными со спецификой российской социокультурной модели взаимоотношений государства, общества и личности. Подробнее об основных ее особенностях см. [Тихонова, 2005; 2006].

В принципе, это соответствует и ожиданиям большинства россиян от государства. Только в условиях неразвитости региональных рынков труда и депрессивного состояния экономик своих регионов многие из них не видят возможностей для собственной активности, а другие не столько не хотят, сколько не умеют ее проявлять. Не имея возможности подробно описывать взгляды россиян на справедливость и т.д., отмечу все же, что, хотя доля тех, кто предпочел бы жить в обществе социального равенства, по данным многих исследований ИКСИ РАН, вдвое превышает долю желающих жить в обществе индивидуальной свободы, под равенством большинство россиян подразумевает при этом не "уровнировку", а *равенство шансов*. Во всяком случае, уже много лет свыше 60% респондентов предпочитают суждение "Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни" суждению "Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей". Таким образом, о доминировании уравнивательных настроений можно уверенно говорить лишь применительно к трети населения России.

Судя по данным проведенных ИКСИ РАН исследований, проблема заключается не в том, что сегодняшние россияне хотят ликвидировать богатство как таковое, а в том, что они сами хотят быть богатыми, и в этом они качественно отличаются от своих дедов и прадедов. Во всяком случае, именно об этом говорит сравнение ответов россиян на вопрос о том, как они оценивают на десятибалльной шкале социального статуса свое нынешнее и желаемое положение, полученных в ходе исследования ИКСИ РАН "Богатые и бедные в современной России" [Россия... 2004⁶].

В то же время отношение россиян к глубокой социальной дифференциации заметно различается по регионам. Большинство населения России выступают не за либеральные модели (13,3%), и не за уравнивательную модель (33,6%), а за вариант, в целом укладывающийся именно в концепцию социального государства, согласно которому "государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам" (52,5%). Однако в Поволжье за этот вариант выступали лишь около 40% респондентов, притом, что 47% были сторонниками полного равенства (практически равны доли сторонников этих моделей были также в Северо-Западном регионе и Калининграде). В Волго-Вятском же регионе, на Урале, в Западной Сибири доля сторонников модели социальной политики, характерной для социального государства, более чем вдвое превышала долю сторонников уравнительности. Наименее популярны идеи уравнительности были в Санкт-Петербурге⁵.

Краеугольным для понимания избираемой большинством населения России модели социальной политики является, однако, вопрос - каков же тот минимум, который должно гарантировать государство, и каковы те дополнительные блага, которые должны, с точки зрения россиян, являться результатом их собственных усилий? При этом, естественно, надо различать то, чего им *"хотелось бы"* (по принципу "Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным"), и то, что является для россиян *нормой*, причем не просто декларируемой, а отражающей их понимание социальной справедливости.

Судя по данным социологических исследований, *речь идет о некоем минимуме доходов*, который даже чуть ниже, чем устанавливаемый Госкомстатом РФ прожиточный минимум, но плюс к этому об *обязательных гарантиях удовлетворения базовых социальных потребностей*, прежде всего в медицинской помощи. Таким образом, для большинства россиян дело не столько в доходах как таковых, сколько в приемлемом образе жизни.

Поясню при этом, что, когда россияне говорят о минимально приемлемом уровне доходов или образе жизни, то большинство из них подразумевают не то, на что они рассчитывают сами, а то, на что должен иметь право любой член общества - алкоголик,

⁵ Данные приводятся по результатам исследования "Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?".

Таблица 2

Отношение россиян к различным типам социальных неравенств (по результатам исследования "Богатые и бедные в современной России", в %)

	Согласны	Отчасти согласны	Не согласны	Загруднились ответить
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	40,8	31,6	20,6	6,9
Справедливо, когда те, кто может себе это позволить, дают лучшее образование своим детям	35,5	30,7	30,9	2,9
Справедливо, что люди со средствами могут покупать себе лучшее жилье, чем другие	42,8	30,4	23,9	2,9
Справедливо, что люди со средствами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, чем другие	23,8	23,7	50,6	1,9
Справедливо, что те, у кого зарплата больше, и пенсию будут получать тоже больше	34,4	31,2	29,1	5,3

бывший заключенный и т.п. Что же касается "добропорядочных" граждан, честно выполнявших свои обязанности по отношению к обществу и государству, то, по мнению большинства россиян, их положение не может быть таким же, как у тех, кто сам виноват в своей бедности. И нынешняя политика подтягивания минимальных пенсий к средним вызывает у самих пенсионеров едва ли не большее недовольство, чем сам по себе маленький размер пенсий. А это значит, что и *бедность для россиян может быть как легитимной*, когда люди сами в ней виноваты, *так и нелегитимной* - когда человеком выполняются все условия, предусматриваемые господствующей в России социокультурной моделью взаимоотношений общества, государства и человека, а государство вдруг просто "кидает" его, сведя все пенсии практически к одному размеру, без учета реального трудового вклада, или отказывает в необходимой медицинской помощи и т.д. В этой связи для выработки легитимной социальной политики очень важно понимать, какие именно социальные неравенства имеют в глазах россиян справедливый характер, а какие - нет.

Как видно из таблицы 2, есть только один вид неравенств, вызванных различиями в доходах, которые абсолютно не воспринимаются большинством россиян, - это неравенство в сфере медицинского обслуживания. Что же касается вопроса о неравенстве жилищных условий, доступа к качественному образованию и пенсионного обеспечения, то у населения доминирует в целом толерантное к ним отношение. Однако в различных регионах отношение к этим неравенствам может быть диаметрально противоположным, причем в одних регионах спокойнее воспринимаются одни неравенства, а в других - иные. Естественно, что такая картина легитимности/нелегитимности различных социальных неравенств в российском обществе требует не только внесения весьма существенных корректировок в реализуемую в настоящее время на федеральном уровне модель социальной политики, но и весьма существенных различий в региональных моделях социальной политики с учетом специфики их жителей. В этой связи очень важно понимать, какие альтернативы стоят перед любым социальным государством (или регионом), ориентирующимся на проведение сильной региональной социальной политики) при выработке оптимальной стратегии действий.

Таблица 3 Альтернативы приоритетов, влияющих на тип реализуемой социальной политики*

Бюджетные механизмы финансирования социальных потребностей	Страхование как доминирующий путь финансирования социальных потребностей
Глубокое социальное неравенство	Неглубокое неравенство
Государственные механизмы регулирования социальных процессов	Рыночные механизмы регулирования социальных процессов
Безработица	Бедность
Семья	Индивид

* В левом столбце этой основанной на характеристиках особенностей различных моделей социальной политики Г. Эспинг-Андерсеном, расположены те приоритеты, которые, судя по данным социологических исследований, в большей степени соответствуют представлениям россиян. В правом - их альтернативы, которые могут в отдельных регионах меняться местами с выбором на общероссийском уровне.

Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отмечу лишь, что выработка и реализация эффективной социальной политики предполагает, что в каждой паре надо обязательно выбрать лишь один приоритет. Так, если начать бороться с бедностью, увеличивая адресную социальную помощь (через прямые выплаты, льготы или субсидии), утрачивается стимул к выходу на низкооплачиваемые рабочие места и растет безработица и т.д.

Подводя итоги этого краткого рассмотрения особенностей модели государственной социальной политики, соответствующей ожиданиям россиян, можно сказать, что с точки зрения идеологии она вполне укладывается в консервативную (континентальную) модель европейской политики с ее относительно *глубоким* (но легитимным как в плане источников неравенства, так и форм его проявления) *социальным неравенством*, *гарантированным минимумом социальных благ для всех*, созданием *условий для собственной активности* тех, кто хочет добиться большего, акцентом на борьбу с *безработицей*, ярко выраженным корпоративистским началом (более понятным для России как *"ведомственная" составляющая социальной политики*), особой ролью *семейных ценностей* и т.д. Социал-демократическая (или так называемая скандинавская) модель в ожиданиях россиян присутствует прежде всего в виде прямой государственной помощи, а не системы страхования как основного канала поддержки нуждающихся. При этом, впрочем, не исключено, что с укреплением системы страхования, ростом доверия к ней и ростом их собственных доходов россияне будут готовы гораздо шире использовать механизмы страхования, чем это наблюдается сейчас.

Таким образом, *в стратегическом плане предлагаемая Якобсоном как оптимальная консервативно-корпоративистская социальная политика вполне совместима, по крайней мере, судя по имеющимся социологическим данным, с ожиданиями россиян*. Недовольство же их связано отнюдь не с "уравнительностью" как идеалом, а с нелегитимностью в глазах россиян нынешней ситуации в стране. Россияне считают неоправданными огромные различия в заработной плате за одну и ту же работу в разных регионах и секторах экономики, неприемлемо для них исчезновение "лифта" социальной мобильности⁶, недопустима невозможность удовлетворить потребность в элементарной медицинской помощи для честно отработавших всю жизнь людей при одновременном создании фешенебельных гостиниц для собак и кошек новой российской элиты, сделавшей за несколько лет огромные состояния на природных ресурсах страны и т.д. В этих условиях отказ от "мягких обязательств", о которых говорит Якобсон, просто не может воспри-

⁶ Вспомним: еще десять лет назад можно было начать бизнес, просто "заняв деньги по знакомым". Сейчас же "входной билет" в любой вид бизнеса стал настолько дорог, а пресс административно-бюрократических препон для деятельности малого бизнеса настолько велик, что бизнес превратился, фактически, в "закрытую" систему.

ниматься рядовыми россиянами иначе, как окончательное сбрасывание масок и отказ государства от своей ответственности за судьбу собственных граждан, даже если на практике реальные расходы на социальную политику вырастут. Государство и население говорят в этом диалоге *на разных языках, и одно и то же действие в контексте этих разных знаковых систем приобретает различный смысл.*

Отдадим должное нашим согражданам - если бы все, что произошло с ними за последние полтора десятилетия, имело место в Германии, Франции или Люксембурге, вряд ли полученный результат устроил бы жителей этих стран в большей степени, чем россиян. Так что дело тут отнюдь не в пресловутом российском менталитете, прекрасно совместимом с реализацией континентальной модели социальной политики, которую все европейские страны десятилетиями осуществляли в соответствии со спецификой своей экономической ситуации и культуры.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть - проблема возможности реализации в России континентальной модели социальной политики заключается не в финансовых или институциональных ограничениях, а в том, что сама суть этой модели, основанной на ответственности государства перед своими гражданами и их доверии к его деятельности, многие эксперты понимают просто как отказ государства от всякой заботы о своих гражданах. Восстановление столь необходимого для реализации этой модели доверия предполагает прежде всего честный и публичный ответ на вопрос о том, что власть собирается рассматривать как главную функцию, "сверхзадачу" социальной политики.

Если это адресная социальная помощь, то, сколь бы активно ее ни совершенствовали, общество такую модель социальной политики не примет, и движение по этому "коридору" приведет в тупик. Если движение пойдет по "коридору", ведущему к повышению качества человеческого капитала страны или интеграции общества, то, при учете представлений россиян о социальной справедливости, консенсус власти и общества возможен. Если же задача - снятие социальной напряженности, то, поскольку причиной недовольства россиян выступает не просто недостаточность социальных трансфертов или низкая зарплата бюджетников, а вся сложившаяся социально-экономическая модель развития страны, только совершенствованием социальной политики преодолеть это недовольство заведомо невозможно. И если целью начинающих реформ в социальной сфере выступает обеспечение социально-политической стабильности общества перед президентскими выборами 2008 г., то можно уверенно предсказать этим реформам полный провал независимо от количества затраченных на них бюджетных средств. Какой из этих путей выберет российская элита и куда приведет этот выбор с учетом существующего "коридора возможностей", покажут ближайшие два-три года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003.

Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. М., 2005.

Россия - новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004⁶.

Россия. Статистический ежегодник. Официальное издание. М., 2004^a.

Тихонова Н. Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. N 6.

Тихонова Н. Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. N 1.

Тихонова Н. Е., Шкартан О. И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // СОЦИС. 2001. N 3.